

Окказиональные прилагательные в поэме Н. Асеева «Маяковский начинается»

© А. Ю. АСТАФЬЕВ,
кандидат филологических наук

Объектом рассмотрения являются окказиональные имена прилагательные в поэме Н. Асеева, поясняется их значимость в плане выразительности. Такие лексемы позволяют ярче выделить признак по сравнению с традиционным словом.

Ключевые слова: окказионализм, изобразительность, признаковое значение, семантика, словообразование, экспрессия, образная ореольность.

The article deals with such object of consideration as occasional adjectives in N. Aseev's poem. Their importance in respect of expressiveness is explained here. Such lexemes allocate a sign more brightly in comparison with traditional words.

Key words: nonce word, pictorials, indication value, semantics, word formation, expression, figurative nimbus.

По наблюдениям исследователей, каждое окказиональное прилагательное, «благодаря своей свежести, яркости и экспрессивности, способно играть в контексте роль эпитета» [1]. Рассмотрим окказиональные имена прилагательные, встречающиеся в поэме Н. Асеева «Маяковский начинается» [2] с точки зрения их экспрессивности и оценочной роли в тексте.

В количественном составе окказиональных имен прилагательных выделяется группа сложных прилагательных, построенных с участием числового компонента. Выразительность таких слов предопределена контекстом и проявляется в примерах: «...сюда, / к *семихолмому* / Третьему Риму, / придут языци — / мошне на поклон!» [С. 14. Курсив здесь и далее наш. — А.А.]; «А рядом — / озимых / заплатка к заплатке — / *двужильная* / да *двухпольная* Русь» [Там же]. Эти числовые названия стимулируют познавательную активность читателя. *Семихолмый*, то есть расположенный *на семи холмах*, в сочетании с *Третий Рим* дает географическую и историческую характеристику Москвы. Интересно, что слово *семихолмие* встречается в «Стихах о Москве» у М. Цветаевой в том же значении места: «...всё привольное / *семихолмие*». *Двухпольная*

Русь – это производное от *двуполье*, что в сочетании с *двужильная* обретает новые смыслы: не только способ обработки земли, но и усилие. Данная лексема встречается в словарях как вариант к *двупольная*.

Сочетание *купец первой гильдии* сокращено до одного слова: «тут – / *первогильдейский* / в ореховой раме / мильон подбирает / не дурой-губой» [С. 30]. В цепочке символов, изображающих Москву, портрет купца (*в ореховой раме*) поставлен автором рядом с памятником Минину и Пожарскому. А вот *стошумный* воспринимается неоднозначно: «Наконец Маяковский в *стошумном* Нью-Йорке» [С. 152]. Прилагательное создано по аналогии со *стосильный*, которое встречается в словарях и есть у В. Маяковского: *стосильный грузовоз* (поэма «150 000 000»), но в отличие от него на первое место выходят не семы мощности, а звука: Нью-Йорк представлен как многоголосый, шумный город. Однако элементы неодобрительности можно увидеть в расширенном контексте: «...каждый миг / здесь на центы рассчитан».

Окказиональные сложные прилагательные, имеющие в своем составе число, могут не только указывать на качество, но и характеризовать различные стороны изображаемого, в частности, давать негативную оценку, ведь «...помимо прямого... значения, окказиональное слово содержит определенные эмоционально-оценочные коннотации» [3].

Не менее интересны и другие сложные окказиональные прилагательные, встречающиеся в поэме. Резко, грубо выглядит в контексте слово *синежурнальная*: «*Синежурнальная* сволочь, / купринские опивки, / пыль / Леониду Андрееву / слизывающие с сапогов...» [С. 61–62]. Данный пример в отрыве от контекста может восприниматься только как реализующий цветовую семантику, но в словосочетании со *сволочь* становится индикатором оценки.

Автор изобразил войну с женским лицом в виде *стальнозубой Кашеихи*: «...бросал свои реплики / Маяковский / Кашеихе *стальнозубой*- / Войне» [С. 84–85].

Несколько окказионализмов наделены положительной экспрессией: «Лишь дай / его *громкосердечной* замашке / дойти / до лампадного быта-жирка...» [С. 29]. Потенциальное сочетание *громкое сердце* само по себе похоже на *широкая душа* и т.п. Производное от него воспринимается весьма естественным и понятным, в духе Маяковского.

Того же типа и слово *дальнолетные*: «Много лет / мне его *дальнолетные* строчки / помогают стремиться, / во времени мчась» [С. 152]. Глагольная основа *лететь* в сочетании с *дальний* дают вполне понятное производное (речь идет о путешествии Маяковского в Америку), а созвучное *много лет* косвенно указывает на творческое бессмертие поэта. Сложные слова изобразительно «богаче» производящей основы, ведь если «...сочетание слилось в лексическую единицу, то дальнейшая

судьба этого нового слова будет полностью определяться аналогией с простыми словами» [4].

Рассмотрим окказиональные притяжательные прилагательные. «Бороться / с торгашей лошеною шайкой? / Сражаться / с их Китайгородской стеной?!» [С. 12]. В сравнении с узуальным разговорным *торгашеский* вновь созданная лексема не просто короче. Она реализует фоносемантические осмысления, создавая негативную оценочность. Ср. у Маяковского: *монашьи шельмы*, где повтор звука *ш* в контексте «нацеливает» читателя на неприятие изображаемого. Этот прием, как и одинаковая модель построения слов, сближает поэтику Асеева и Маяковского.

В следующем примере значение прилагательного *бурлючий* овеществляется и конкретизируется: «И это / и всё, / что в стихах его лучшего, / толпа равнодушных / и сонных зевак / не видела / из-за лорнета *бурлючьего*, / из-за скопившихся в сплетнях / клоак» [С. 75]. Словосочетание *бурлючий* (производное от имени футуриста Д. Бурлюка) *лорнет* воспринимается как уничижительное, отгораживающее Бурлюка и ему подобных носителей лорнета от творчества Маяковского.

Представленные примеры могут считаться нетипичными, так как «в современном русском языке притяжательные прилагательные на *-ий* образуются преимущественно от названий животных» [5]. Исследователь Н.А. Щёголев находит схожий пример у Маяковского и комментирует его: «Прилагательное “бонапартьи”, вызывая у читателя подобные “звериные” ассоциации, тонко подсказывает ему мысль об опасности керенщины, не снижая в то же время чувства уничтожающего презрения» [Там же].

На первый взгляд, следующий пример тоже реализует отрицательную оценку: «Когда на троллейбусе / публика едущая / услышит надсадный / *кондукторшин* крик...» [С. 131]. Голос кондукторши, представленный словом *крик*, его высота, проявляющаяся в определении *надсадный*, воспринимается как ирония, но читаем дальше: «“...Площадь Пушкина, / Маяковского – следующая!” – / поймешь, / как город к нему привык» [С. 131]. Признание таланта Маяковского (в форме названной его именем площади) автор выражает при помощи громкого голоса кондукторши, причем просторечная производящая основа призвана не снижать, а, напротив, показывать величие поэта в его обычности для восприятия человека. Принадлежность площади Маяковскому автор показывает с привлечением следующего контекста: «Сюда он шагал / с Большой своей Пресни, / с шагов своих первых, / с *мальчишьяго* дня» [С. 132–133]. Окказиональное *мальчиший* выбивается из логичной цепочки слов *мальчишеский*, *мальчишечий* именно в соединении со словом *день*. Появляется значение, близкое устойчивому сочетанию *с малых лет*, что поддерживается фразой *с шагов своих первых*.

Примеров окказионального формообразования имен прилагательных в превосходной и сравнительной степенях обнаружено всего три: «Он на фордовских / мощных заводах / на *рекламнейшем* из производств, / где рабочим / в мертвецкой лишь отдых: / измотался- / к реке и – под мост!» [С. 153]. Пример реализует ироническую экспрессию, он может восприниматься как насмешка над заводами Форда, но в контексте звучит весьма печально. Форма превосходной степени не превозносит качество продукции, воспринимается как пародия на рекламу.

Ироничное осмысление создается путем использования окказиональной формы сравнительной степени прилагательного *любовный*: «Может, / встретится строчки / нежней и *любовней* / у поэтов, / поющих поля и леса» [С. 154]. Это подтверждается еще одним примером: «Уж он непохож / на фабричного парня: / белье накрахмалил / и волос подстриг. / Он стал *прирученной*, / солидной, / шикарней- / по моде / последней со Сретенки крик» [С. 71]. Слово *прирученной* реализует «заряд» иронической экспрессии в цепочке узуальных прилагательных *солодней, шикарней*.

В поэме Асеева окказиональные прилагательные (их около сорока) органично вплетаются в структуру стиховых строк. Среди них больше всего сложных прилагательных (их тринадцать), затем притяжательных (их шесть), а также наблюдается интерес к окказиональному формообразованию. В зрелом творчестве поэта все чаще образы создаются при помощи этих «слов-красок» [6].

Литература

1. *Воробьева Т.Б.* Тропеические окказионализмы В. Маяковского // Стилистика художественной литературы. М., 1982. С. 214.
2. *Асеев Н.Н.* Маяковский начинается. Поэма. М., 1973. Далее указ. только стр.
3. *Нухов С.Ж.* Семиологические аспекты окказионального словообразования современного английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. С. 11.
4. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960. С. 280.
5. *Щёголев Н.А.* Художественное мастерство В.В. Маяковского в поэме «Хорошо!». Пособие для учителей. М., 1956. С. 15.
6. *Машбиц-Веров И.М.* Мастерство поэта (О В.В. Маяковском). Куйбышев. 1961. С. 26.

Серпуховский колледж